

юбилее Московской семинарии также звучали отзывы о семинаристах как о «способных и желанных работниках в любых сферах».²² Указывая на высокий уровень подготовки выпускников семинарий, ораторы пытались подчеркнуть значимость духовных учебных заведений в сфере образования.

Уже после революции, в 1909 г., когда споры о необходимости проведения школьной реформы возобновились с новой силой и учащиеся семинарий вновь стали готовить петиции, во время празднования юбилея Санкт-Петербургской семинарии прозвучало обращение к воспитанникам с просьбой «разумно тратить золотые годы учения и надлежаще готовиться к жизни».²³ Очевидно, власти опасались новых выступлений семинаристов, не забыв о протестном движении периода 1905–1907 гг. Интересно, что об акциях протеста семинаристов предреволюционного времени и вовсе не сообщалось.

В устных выступлениях и исторических записках устанавливалась периодизация собственной истории, причем начальный этап описывался более подробно. Такое событие

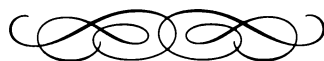
как учреждение семинарии приобретало важное историческое значение: основание учебного заведения становилось поворотным пунктом всего политического и религиозного развития определенной местности. При этом табуированию подлежали все конфликтные ситуации.

В нарративе целенаправленно формировался образ единой группы семинаристов: преследовалась цель легитимизировать эту группу, закрепить ее право на существование. Уход же в далекое прошлое способствовал восстановлению традиции преемственности поколений. Знакомя семинаристов с историей их учебного заведения, церковные власти пытались укрепить их в вере и готовности служить преданно Церкви и государству. Однако обращение к прошлому не способствовало сохранению дисциплины учащихся, особенно в период Первой российской революции. Уже 11 ноября 1905 г. (спустя 3 недели после проведения юбилейных торжеств) воспитанники Тамбовской семинарии устроили беспорядки в здании учебного заведения.²⁴

²² Столетний юбилей Московской. С. 2001.

²³ Празднование юбилея столетия С.-Петербургской. С. 1896.

²⁴ См.: Титлинов Б. В. Молодежь и революция: Из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений. 1860–1905 гг. Л., 1924. С. 107.

А. С. Палкин

ЕДИНОВЕРИЕ ГЛАЗАМИ АРХИЕРЕЕВ РПЦ (XVIII – НАЧАЛО XXI В.)*

Русская Православная Церковь, учредившая единоверие в конце XVIII в., ставила глобальную задачу возвращения из «раскола» сотен тысяч староверов. Существование единоверия стало возможным благодаря усилению либеральных тенденций в среде иерархии официальной церкви. Во многом от мнения архиереев зависела и дальнейшая судьба единоверия. Путем дискуссий церковь вырабатывала

официальное мнение, однако это мнение могло со временем изменяться, и его могли не разделять отдельные иерархи.

В работе сделана попытка рассмотреть взгляды православных архиереев на единоверие в период с XVIII в. до наших дней.

Понимание возможности объединения со старообрядцами при сохранении последними своих обрядов стало распространяться среди иерархов официальной церкви уже в XVIII в., хотя и в очень ограниченном масштабе. Так еще при Петре I, Тобольский митрополит Антоний запрашивал Синод о возможности принятия в церковь тех, кто употреблял двоеперстие. Синод ответил отказом.¹

Палкин Александр Сергеевич — Уральский государственный университет, магистрант истфака
E-mail: alexander.palkin87@gmail.com

* Работа проводилась при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям по государственному контракту № 02.740.11.0348 на выполнение НИР «Социокультурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных периодов», шифр «2009–1.1–301–072–017».

¹ См.: Шлеев С. Единоверие в своем внутреннем развитии. СПб., 1910. С. 8, 9.

«Апологетом единоверия» был архиепископ Херсонский Никифор Феотоки, который в конце 1770-х гг. разрешал староверам своей епархии исповедовать старые обряды (но это соглашение не имело законодательного подтверждения).² Архиепископу Никифору удалось даже убедить ревностного старообрядца Сергия Иргизского (Юршева) пойти на компромисс с официальной церковью.

Митрополит Петербургский Гавриил (Петров) и архиепископ Псковский и Рижский Иннокентий (Нечаев) были сторонниками идеи единоверия, сотрудничали с Сергием Иргизским и Никодимом Стародубским.³

В конце XVIII в. единоверие постепенно стало распространяться и по другим районам Российской империи. Его сторонники появляются в Казани, Торжке, Петербурге, Твери, Нижнем Новгороде, Москве. Создание единоверческих общин было бы невозможно без согласия местных архиереев, которые старались таким образом привлечь староверов в лоно церкви. Их согласие, независимо от того, какими побуждениями оно было продиктовано (желанием признать в старообрядцах братьев по вере, или желанием ассимилировать их) сыграло важную роль в формировании единоверия.

Определяющее влияние на облик единоверия оказал митрополит Московский Платон (Левшин), чье имя носят т.н. «Правила» (или «Пункты») единоверия.⁴ Их принятию значительно поспособствовал не только митрополит Платон, но и архиепископ Петербургский Амвросий (Подобедов), ходатайствовавший за них перед Павлом I. Пункты носили консервативный характер и впоследствии практически не изменялись до 1880-х гг. Именно при митрополите Платоне было заложено снисходительное отношение к единоверцам, о равенстве с православными речи не шло. Как в обществе, так и среди иерархов сформировалось мнение, что единоверцы — это некие «полураскольники». Были сформулированы две цели единоверия, во многом определившие его характер и отношение к нему иерархии:⁵

1. Облегчение для старообрядцев воссоединения с господствующей церковью путем дозволения им временного сохранения своих особенностей богослужения.

2. Окончательное их слияние с господствующей церковью (как силой власти, так и молитвами, терпением и любовью).

Единоверие воспринималось официальной церковью как временная уступка старообрядцам. И, хотя официально провозглашалась терпимость к старым обрядам и отход от принципов единообразия, реально единоверие воспринималось как средство перехода к этому единообразию.

В эпоху Николая I светской и духовной властью была разработана система жестких мер для обращения старообрядцев в единоверие. Архиереи в полной мере использовали единоверие как средство борьбы с расколом. Например, архиепископ Пермский Аркадий (Федоров) в своем письме 1851 г. к Санкт-Петербургскому митрополиту Никанору⁶ изложил свою точку зрения на единоверие: оно, по его мнению, является лучшим путем для обращения староверов в православие. И хотя единоверие наталкивается на серьезные проблемы (сопротивление приверженцев старых обрядов; сложные природные условия, способствующие оторванности их от внешнего мира), в нем заложен огромный потенциал, единоверие действительно приносит плоды. Такой оптимистичный подход долгое время сохранялся среди т.н. «искренних» единоверцев, которые считали единоверие силой, способной прекратить многолетний раскол церкви (хотя они могли и не разделять силовых методов обращения в единоверие). В то же время идея обращения, посредством «стеснительных мер» была популярна среди архиереев еще долгие годы.

Единоверие, дискредитировавшее себя в эпоху николаевских гонений, не могло выполнять возложенные на него задачи. Оно использовалось старообрядцами в качестве маскировки, щита, за которым они могли укрыться от притеснений. Этот факт не мог оставаться незамеченным архиереями, в чьих епархиях находились единоверческие приходы. Естественно, что такое положение дел формировало негативное мнение в отношении единоверия у части иерархов.

² См.: Там же. С. 34–37.

³ См.: Там же. С. 15–20.

⁴ Пункты московских старообрядцев с комментариями митрополита Платона опубликованы в книге: Ответ единоверца старообрядцу на его возражения. СПб., 1857. С. 117–128.

⁵ См.: Лебедев Е. Е. Единоверие в противодействии русскому обрядовому расколу. Очерк по истории и статистике единоверия с обзором существующих о нем мнений и приложениями. Новгород, 1904. С. 17.

⁶ См.: Письмо Преосвященнейшего Аркадия Архиепископа Пермского к Санкт-Петербургскому Митрополиту Никанору // ЕЕВ. 1888. № 12. С. 278–287.

Время правления Александра II ознаменовало собой новую веху в истории единоверия. Какое-то время оно продолжало развиваться «по-инерции», приданной ему в николаевскую эпоху. Однако в связи с началом либеральных реформ, а также вновь сложившимися обстоятельствами (созданием Белокриницкой иерархии) требовалось скорректировать прежнюю политику в отношении старообрядчества (прежде всего, поповцев) и единоверия.

По указу императора Синод слушал секретное предложение обер-прокурора 18 марта 1864 г., в котором говорилось, что министр внутренних дел в числе прочего представил императору следующий вопрос:

На каких основаниях могли бы быть распространены и развиты «начала единоверия» «и на каких условиях могло бы совершиться воссоединение сектаторов, приемлющих священство, с православной церковью?»

Император повелел Синоду обсудить этот вопрос. Секретными приказами в обход консисторий этот вопрос был направлен 17 архиереям для того, чтобы они высказали свое мнение.⁷

В центре внимания иерархов оказался важнейший и крайне непростой вопрос о единоверческом епископе. Оказалось, что среди архиереев бытует довольно широкий спектр мнений как о епископе, так и о развитии единоверия и его роли в борьбе с расколом.

Из 17 иерархов только 4 согласились с тем, чтобы предоставить единоверцам епископа или даже нескольких, а один преосвященный предложил поставлять в те епархии, где много единоверцев викарного епископа, во всем подчиненного епархиальному архиерею (потому как у последнего не хватает времени посещать единоверческие приходы).⁸ Правда, отдельно оговаривалось, что делать это требуется с особой осторожностью. Архиепископ Рязанский Иринарх (Попов) предлагал «негласным образом чрез благонадежных единоверческих священников в Москве и Петербурге удостовериться на каких условиях раскольники желают воссоединиться». Если им будут нужны архиереи и некоторая самостоятельность, можно согласиться и на это, чтобы «улучшать опасную язву».⁹

Крайне сильны были среди православных архиереев консервативные взгляды. В услови-

ях существования единоверия не нужно ничего менять. Церковь достигла максимума уступок. Необходимо уделить внимание совершенствованию существующей системы, например, готовить более профессиональных миссионеров и приходских священников. Среди консерваторов были и сторонники продолжения потерпевшего крах николаевского курса, так епископ Владимирский Феофан (Говоров) полагал, что «начала и условия единоверия дальше расширять нельзя; можно только улучшать меры к успешному действию начал единоверия. В этом случае признается полезным: а) совершенно упразднить австрийское ложное священство всех степеней, что легко возможно Министерству [Внутренних Дел]; б) дать простор проповеди православной в кругу раскольников...; в) поставить раскольников в несколько стеснительное положение против единоверцев, и в особенности, православных».¹⁰ В плане «решительных мер» для распространения единоверия интересен идеалистический проект митрополита Киевского Арсения (Москвин), который предлагал, во-первых, «сосчитать всех раскольников посредством полиции и приходских священников»; во-вторых, желающие присоединиться к единоверию с тем условием, что им будет дан епископ должны подать прошение в Синод; в-третьих, от беспоповцев потребовать изложения их вероучения; в четвертых, произвести «отделение сектаторов от православного народонаселения и выселение на пустопорожние места на Амур, особыми для каждого толка группами».¹¹

Часть архиереев рассматривали единоверие как явление бесполезное и даже вредное. Епископ Самарский Феофил (Надеждин) считал, что «распространение начала единоверия поведет к уничтожению церкви единоверческой, ибо неминуемо привзойдут в нее предразсудки и пороки раскольнические», отмечает сплоченность старообрядческих обществ и считает, что обращать можно лишь отдельных лиц, да и то с большим трудом.¹² Епископ Костромской Платон (Фивейский) писал, что единоверие «в случае усиленного своего распространения, угрожает составить из себя отдельную самостоятельную церковь, что было бы крайне вредно и для православия и для самого единоверия». Напротив, он предлагал

⁷ См.: РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 48. Л. 1а.

⁸ См.: Там же. Л. 37–38, 38об.–39, 40–41об., 51об.–57.

⁹ Там же. Л. 38об.–39.

¹⁰ Там же. Л. 50–50об.

¹¹ Там же. Л. 37–38.

¹² Там же. Л. 40–40об.

уничтожить само название «единоверие» и называть церковь православной, а также провести еще ряд мероприятий, направленных на ассимиляцию единоверцев.¹³ Архиепископ Волынский Антоний (Павлинский) придерживался того мнения, что «развивать начало единоверия невозможно без явного вреда для Православной церкви, тем более, что оно само по себе не твердо. Притом делать такие уступки, какие допущены в единоверии, наша церковь одна без сношения с Восточною, едва ли имела к сему право. Многолетний опыт показал, как мало это единоверие принесло пользы¹⁴». Тема, которую поднял преосвященный Волынский, проходит красной нитью через высказывания многих иерархов. Многие полагали, что дарование единоверцам собственного епископа может произойти только при согласии на этот шаг восточных православных церквей, которые в свое время предали анафеме старые обряды. Часть епископов видит даже в самом учреждении единоверия неправомерное действие со стороны РПЦ, которая должна была посоветоваться с восточными церквями. Т.е. Единоверие частью иерархов виделось как явление незаконное!

Архиепископ Тобольский Варлаам (Успенский) предлагал урезать правила единоверия, поскольку единоверцы его епархии проявляли крайнее своеволие, мало подчинялись своему иерарху, а больше — своим «старикам». Дополнительные уступки привели бы к еще большим проблемам с единоверцами, большая часть которых была по сути своей тайными староверами, принявшими единоверие лишь для маскировки.¹⁵

В то же время не следует забывать и о том, что в церковной среде в то время существовало в какой-то мере «либеральное» мнение в лице епископа Нижегородского Нектария (Надеждина), который предлагал предоставить свободу единоверцам и православным выбирать церковь, в которую они будут ходить и не делать различия между православными и единоверцами. Если кто из православных уйдет в единоверие, считать их скрытыми старообрядцами, только считающимися православными. Хотя он также полагал, что от поповцев надо потребовать, чтобы они удалили от себя беглое и австрийское священство и «испросили свя-

щенников от епархиального начальства»,¹⁶ что совпадает с мнением большинства и не вписывается в рамки либерального высказывания.

Однако самый подробный и содержательный отзыв о единоверии оставил митрополит Московский Филарет (Дроздов). Во многом именно он формировал официальное мнение церкви по данному вопросу. Вот что преосвященный писал в секретном донесении Св. Синоду от 15 мая 1864 г.

«Единоверие не есть начало. Начало есть православие, а единоверие — распространение, развитие, движение сего начала к стороне раскола, с тою целью, чтобы отторженных от православной церкви возвратить к единству веры, церкви и священноначалия, с предоставлением им, по снисхождению, употреблять книги по изданиям предшествовавшим исправлению, и положенные в сих книгах обряды... При таком устройстве единоверческой церкви, вступающим в нее предоставлено все, что могло быть допущено без нарушения чистоты православия. Идти далее значило бы не приближать к православию и к церкви отчужденных, а увлекать православие с правого пути, и благоустроенный мир церкви погружать в хаос раскольнических самочиний и нестроений.¹⁷»

Учреждение единоверческого епископата митрополит считал трудновыполнимым делом. Во-первых, такой шаг невозможен без согласования с восточными патриархами. Греки вряд ли откажутся от того, что установили их предки, а если РПЦ будет настаивать, это может привести к раздору. Во-вторых, РПЦ упустила благоприятный момент, когда единоверческое епископство могло быть учреждено для привлечения внимания староверов и отражения натиска только появившейся австрийской иерархии, которая к 1864 г. смогла прочно укрепиться в пределах Российской империи. Преосвященный полагал, что момент уже упущен, а учреждение единоверческого епископата принесет вред, а не пользу, «единоверческое епископство безобразно пресекло бы пределы епархий»: один двор в деревне относится к православному архиерею, другой к единоверческому, третий — к австрийскому, что привело бы к путанице и беспорядкам. Современное единоверие не имеет полной иерархии. Оно составляет един-

¹³ См.: Там же. Л. 42об.—47.

¹⁴ Там же. Л. 47—48об.

¹⁵ См.: Там же. Л. 59—63аоб.

¹⁶ Там же. Л. 41об.—42об.

¹⁷ Там же. Л. 24об.—25.

ство с православной церковью через рукоположение священников от православных архиереев. В случае отдельной иерархии возникла бы ненужная обособленность, которой пытаются воспользоваться различные «сепаратисты», а именно священник Иоанн Верховский, пытающийся своими проектами «прельстить единоверцев».¹⁸

Мнение митрополита Филарета стало определяющим на протяжении более чем полувека. Консервативная, интеллектуально обоснованная и подкрепленная огромным личным авторитетом позиция нашла своих продолжателей и среди большей части иерархии РПЦ и среди апологетов единоверия, не посвященных в архиерейский сан (о. Павел Прусский (Леднев), проф. Н. И. Субботин).

Даже в условиях либеральных реформ и необходимости противостоять Белокрыницкой иерархии РПЦ не смогла перестроиться и найти новые решения вопросов, терзавших ее более двух веков.

В последней четверти XIX — начале XX в. среди архиереев РПЦ продолжали главенствовать консервативные тенденции. Однако официальная церковь пыталась возвысить статус единоверия и одновременно сильнее контролировать его и пресекать всякие попытки отделения со стороны единоверцев. Так, например, на первом единоверческом съезде 1912 г. присутствовал 21 православный архиерей (в т.ч. митрополит).¹⁹

После Поместного собора 1918 г. единоверцы получили епископов. Интересно, что первый (во всех смыслах) единоверческий архиерей Симон (в миру — свящ. Симеон Шлеев) епископ Охтенский в 1920 г. был назначен на православную Уфимскую кафедру.²⁰ Епископ Симон (еще в бытность свою священником) был самым ревностным сторонником единоверия, искренне верил в прогрессивную роль «православного старообрядчества» и его способность прекратить раскол. В своей монографии²¹ он объяснял неудачи единоверия тем, что оно «неправильно» воспринималось большей частью архиереев, государством, православными, старообрядцами и самими единоверцами. Он отрицал господствовавший еще со времен митрополита Платона взгляд на единоверие

как на ступень к переходу в официальное православие и отстаивал идеи равноправия единоверцев с православными, обрядовой независимости, права на самоуправление, права на собственных епископов для единоверцев.

В 1971 г. на Поместном соборе РПЦ были отменены клятвы на старые обряды, официально признано равноправие и равноспасительность старого и нового обрядов. Таким образом единоверцы окончательно признаны в качестве полноправных членов церкви, а со старообрядцами церковь готова вести диалог. Церковь официально приняла довольно либеральные взгляды на единоверие еп. Симона (Шлеева), однако единоверческого епископства не возобновила (видимо, в связи с малочисленностью приходов «православных старообрядцев»). Сегодня церковь в отношении единоверия и старообрядчества продолжает придерживаться курса, взятого в начале 1970-х гг.

Можно сделать вывод о том, что существование единоверия в лоне РПЦ было обусловлено противоборством двух основных тенденций в среде архиереев: либеральной и консервативной. В рамках этих тенденций могло существовать множество частных точек зрения. Консервативная тенденция на протяжении всего существования единоверия была определяющей. Сама либеральная идея компромисса между официальной церковью и староверами оказалась искажена и превратилась в очередной миссионерский инструмент. Большая часть церковных иерархов была не готова увидеть в людях, исповедующих старые обряды, братьев по вере. А значит, церковь не смогла продолжать вести диалог со старообрядцами и развивать правила единоверия.

Существенные изменения в организации единоверия (создание единоверческой иерархии), произошедшие в 1918 г., оказались в русле общих больших перемен, которые переживала РПЦ в то время. Отмена клятв на старые обряды в 1971 г. стала своеобразным итогом развития единоверия. Церковь смогла пойти на такой шаг во многом ради сближения со староверами.

Сегодня высшее церковное руководство в лице Святейшего Патриарха Кирилла заинтересовано в дальнейшем развитии начал единоверия. Церковь видит в единоверии способ диалога со старообрядчеством. Развитие этого диалога будет зависеть от гибкости сторон и их способности к нахождению компромисса. К каким результатам это приведет — покажет время.

¹⁸ Там же. Л. 25–270б.

¹⁹ См.: Зими́на Н. П. Жизнеописание священика Симона, епископа Охтенского. М., 2005. Т. 1. С. 158.

²⁰ См.: Там же. С. 20.

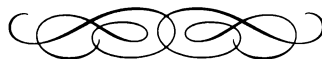
²¹ См.: Шлеев С. Указ. соч.

именно как учительницы воскресной школы, православной гимназии, преподавательницы Основ православной культуры в средней школе.

Для реализации этой задачи необходимо повысить уровень преподавания Закона Божия и педагогики. В последние годы отмечается недостаточный общекультурный уровень

воспитанниц Регентского училища, что связано, в первую очередь, с общим снижением уровня школьного образования.

Задачи, которые стоят перед современным женским духовным образованием — это свидетельство того, что оно проходит процесс своего становления. Эти задачи — следствие современных потребностей Церкви и общества.

И. В. Починская

ИСТОРИКО-ПОЛЕМИЧЕСКИЙ СБОРНИК ФИЛИППОВЦЕВ ЮЖНОЙ ВЯТКИ.*

Полемика филипповцев Южной Вятки с представителями других беспоповских согласий, а также внутри своего согласия породила довольно обширную литературную традицию, которая активно развивалась вплоть до конца 1970-х гг. Споры с другими согласиями и, прежде всего с федосеевцами, вызвали необходимость самоидентификации и протраивания своей линии сохранения истинной духовности. Это породило широкое бытование на Вятке нескольких сочинений родословного характера различных редакций. Данные родословия были созданы в Уренском крае, территории, расположенной на северо-востоке Нижегородской губернии за р. Ветлугой, в районе ее притока р. Урень.¹ Будучи духовно связанными с уренскими филипповцами, вятские одноклассники рассматривали их историю как часть своей. В уренские повествования они включали изложение этапов передачи благодати духовными отцами на Вятке или помещали его в конце текста.

Починская Ирина Викторовна — к.и.н., Уральский государственный университет, зав. Лабораторией археографических исследований
E-mail: lai@usu.ru

¹ Подробнее об этом см.: Починская И. В. О бытовании родословий филипповского согласия на Вятке // *Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XV–XX вв.* Новосибирск, С. 424–429.

* Работа проводилась при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках НИР «Социально-культурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных периодов», шифр «2009–1.1–301–072–017»

Вторая половина XIX в. ознаменовалась обострением внутренних споров у филипповцев Южной Вятки по нескольким обрядовым вопросам. Конфликтная ситуация сложилась в общинах Уржумского уезда. Первым и, вероятно, наиболее волновавшим старообрядцев вопросом был вопрос о положении иконы на покойника: «лицом к лицу» или «по естеству». Этот спор привел филипповцев к разделению на две группы. По именам основоположников течений сторонники возложения икон первым способом получили название «васинцев», второго — «ионовцев».

Каждый из толков написал свою историю, изложил свое видение причин конфликта. Эти истории состоят не из одного, а целого комплекса сочинений, окончательно сформировавшихся уже во второй половине XX в. Интересно, что сочинения, созданные каждой из противоборствующих сторон, в 1970-х гг. были сведены в сборники. Видимо, это был очередной период активизации попыток выяснить отношения, который, к сожалению, не привел к согласию.

Сборник, составленный ионовцами, был скопирован в их общине во время экспедиции археографами МГУ, а затем опубликован и прокомментирован участником экспедиции А. А. Исэровым.² Построение сборника имеет свою логику, оно основано на хронологическом принципе. Он начинается с рассказа о расколе церкви и заканчивается повестями,

² См.: Исэров А. А. Филипповское родословие: Исторические сочинения старообрядцев-филипповцев Поволжья и Южной Вятки. М., 2004.